

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.3

EDN: UVGNHC

Проблема оценки конфессионального состава и уровня религиозности населения стран и регионов

Ссылка для цитирования: Балабейкина О. А. Проблема оценки конфессионального состава и уровня религиозности населения стран и регионов // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 28–45. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.3; EDN: UVGNHC.

For citation: Balabeikina O. A. The problem of assessing the religious composition and level of religiosity of the population of countries and regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 28–45. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.3; EDN: UVGNHC.

Балабейкина Ольга Александровна¹

¹Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

olga8011@yandex.ru

SPIN-код: 4227-4627

Аннотация. В статье обозначены основные проблемы теории и практики сбора эмпирических данных, на основании которых можно выстраивать объективные суждения об уровне религиозности населения и его конфессиональном составе. Рассмотрены преимущества и недостатки социологического опроса, данных переписей населения, официальных данных, предоставляемых религиозными организациями, как источников такого рода сведений.

В качестве примера выбрана Евангелическая лютеранская церковь Дании (ЕЛЦД). Она рассматривается автором как конструктивный пример мажоритарной религиозной организации, отражающей в динамике нескольких десятилетий количественные данные о численности адептов и степени активности их религиозно обусловленного поведения, в региональном аспекте – количественные данные об абсолютной и относительной численности участников религиозных обрядов, о регистрации рождения, брака и смерти и т. п. Сведения о количестве крещений, конфирмаций, венчаний, отпеваний приводятся на уровне отдельных диоцезов церковно-административных единиц районного уровня. На основании полученных результатов фиксируются территориальные различия в уровне религиозности жителей Дании. Минимальные показатели характеризуют столичный регион с высокой долей мигрантов – представителей нетрадиционных культур в структуре населения. Одновременно с этим, высокая степень религиозной активности адептов ЕЛЦД отличает удаленные от административного центра территории материковой Дании (Виборг, Ольборг, Рибе).

Результаты анализа исходных данных, касающихся общего числа и доли крещений, конфирмаций, церковных браков и погребальных обрядов, совершенных в ЕЛЦД в динамике последних лет, подтверждают общие секулярные тенденции, характерные для населения западноевропейских и североевропейских, в первую очередь традиционно протестантских стран. Официальные статистические базы религиозных организаций, фиксирующих как членство в них, так и факты участия в религиозных таинствах и обрядах, позиционируются как наиболее репрезентативный источник исходной информации для решения проблемы выявления конфессиональной структуры населения и определения уровня его религиозности. Рассмотренный пример сбора и обработки информации эффективен, но на национальном и региональном уровнях реализуется лишь в случаях, когда модель религиозно-государственных взаимоотношений предоставляет соответствующие инструменты.

Ключевые слова: уровень религиозности, население, конфессиональная структура, регион

Постановка проблемы

Наряду с количественными показателями, отражающими характер процессов естественного и механического движения населения, его конфессиональная структура выступает как одна из важных составляющих общей демографической картины в стране или регионе. Еще более детально таковую могут отражать качественные характеристики, свидетельствующие об уровне религиозности. Серьезной и до конца не решенной научной проблемой остается поиск способов оценки уровня религиозности населения той или иной страны и его конфессионального состава.

Несмотря на охватившую современное общество секуляризацию, особенно ярко проявляющуюся в государствах Западной Европы и Скандинавии, доминирующие религии сохраняют цивилизационно-образующую роль. Посредством распространения основ вероучительной доктрины, а также благодаря культово-культурной, социальной деятельности религиозных общин и иных организаций, они оказывают влияние на ментальные и поведенческие установки в обществе, во многом формируя материальную и духовную культуру его представителей. Не стоит забывать и о том, что конфессиональная принадлежность населения выступает составляющей региональной характеристики и составляющей понятия «регион» [12].

Кроме того, существенно проявляется роль социальной деятельности религиозных организаций, которые частично дублируют функции государственных органов власти. В контексте заявленной темы особенно важно отметить, что в некоторых странах последнее касается не только оказания материальной и иных видов помощи нуждающимся категориям граждан, проведения культурно-просветительских мероприятий и т. д. Речь идет также о ведении учета статистических данных, касающихся демографических событий, регистрации актов гражданского состояния мажоритарными

религиозными организациями. На данный момент такая практика распространена в таких государствах, как Великобритания, Дания, Финляндия, Филиппины и др. [3].

Обосновывая актуальность и практическую значимость реализации исследований, в которых рассматриваются теоретические и организационные проблемы, связанные с выявлением конфессионального состава населения, следует обозначить социальные и экономические стороны жизнедеятельности, на которые религиозные организации и институты оказывают непосредственное влияние. Ведь степень этого влияния во многом зависит от количества и доли адептов религии в общей численности населения страны или региона.

Специалистами, проводившими исследования на основе российских данных, представлены результаты, подтверждающие гипотезу о том, что даже в светском государстве вероучительная доктрина оказывает воздействие на репродуктивное поведение населения и суммарный коэффициент рождаемости, а значит, на количественные показатели социального капитала страны или региона [15, с. 113]. Нюансы государственно-религиозных отношений, закрепленные в нормативно-правовых актах и фиксирующие право конфессиональных организаций на легитимацию брака, служат усилению этого влияния. Так, на Филиппинах имеет юридическую силу брак, венчанный в национальной Римско-католической Церкви, канонические правила которой не допускают его расторжения. В случае таковой необходимости, остается только возможность установления судом режима раздельного проживания супругов или признание брака недействительным. Эти обстоятельства, безусловно, отражаются на показателях разводимости в стране.

Религия через систему запретов, ограничений и рекомендаций, связанных с ритуализированным потреблением, может также регламентировать потребительское поведение населения [6; 9]. Аналогично в экономическом аспекте рассматривается развитие паломнического и познавательного туризма религиозной направленности, где спрос на маршруты предъявляется преимущественно представителями контингента в той или иной степени религиозных людей [4; 7]. Зарубежными и российскими специалистами доказана также роль религиозных институтов в политических процессах [11; 17; 18].

Приведенные выше примеры иллюстрируют необходимость учета числа религиозных адептов, мониторинга изменений конфессиональной структуры населения и уровня религиозности его представителей в процессе оценки степени воздействия церковных институций на сознание и повседневную жизнь людей, избрание верной стратегии развития общества и экономики стран и регионов, если это касается ниши соприкосновения интересов религиозно-государственных отношений.

В современных реалиях, когда большинством стран принят закон о свободе совести, получение репрезентативных результатов по всем перечисленным показателям становится очень трудно выполнимой задачей. А по отношению к последнему из перечисленных пунктов объективность

данных ставится под сомнение даже при условии обязательного членства в государственной религиозной организации, выдвигаемого правовой основой клерикальных государств.

Тем не менее, во многих странах и регионах по-разному реализуются попытки представить сведения, отражающие количественные показатели, выступающие индикаторами для получения выводов о степени выраженности приверженности людей религии и конфессиональном составе в целом. Основой для этого служат данные социологических опросов, результаты переписей населения, официальных отчетных данных религиозных организаций. Недостаток первых видится в невозможности всеобщего и даже высокого охвата населения, поэтому наше внимание будет сосредоточено на примерах, связанных с двумя прочими источниками информации.

Материалы и методы

Основные исходные данные, ставшие эмпирической базой настоящего исследования, содержатся на официальных электронных ресурсах религиозных организаций, их региональных подразделений (в синонимичном употреблении: епархий, диоцезов, епископий), церковно-административных единиц районного (благочиния, пробства) и местного уровней (приходы, религиозные общины), а также справочных информационных приложений официальных интернет-ресурсов. Количественные данные открытого доступа были обработаны с помощью методов системного анализа данных открытого доступа.

Теоретическая база исследования

Методика оценки уровня религиозности населения попала в фокус внимания отечественных ученых в постсоветский период. Одним из первых исследователей в России, пристально рассматривавшим эту тему и внесшим существенный теоретико-методологический вклад в ее становление, была Ю. Ю. Синелина [14]. Высоко оценивая ее заслуги, следует отметить, что полигон исследования в трудах, имеющимся в отечественном научном обороте благодаря авторству исследователя, ограничивается территорией РФ и освещением отдельных узких вопросов. В рамках науки об обществе развитие обозначенной тематики получило также в работах Н. С. Бабича и В. И. Хоменко [1], считавших приоритетными задачами создание расчетного инструментария для получения показателей, связанных с уровнем религиозности. В перечне отечественных трудов, посвященных данной проблематике, следует также отметить монографию Х. В. Дзуцева и А. П. Дибировой [8]. Авторы реализовали опыт выявления степени приверженности религиозному вероучению путем этносоциологического анализа на примере населения конкретного региона РФ – республик Северного Кавказа.

Высокий интерес представляют также труды зарубежных и российских ученых, выполненные с привлечением Q-методологии [18; 13]. Но они охватывают не всю совокупность населения, а только участвовавшую в опросе часть его. Представляется, что наиболее эффективна эта методология, когда целью ставится выяснение религиозных предпочтений какой-либо социальной группы (студенты, пенсионеры и т. д.). Аппроксимация в данном случае может привести к весьма существенному искажению реальной картины.

Вопрос о разработке и применении научного инструментария, позволяющего использовать результативные данные о конфессиональной принадлежности населения в пространственных исследованиях, поднимали С. А. Горохов и М. М. Агафшин [5]. Отдельно в работе исследователей говорится о сложности выявления критериев оценки уровня религиозности граждан, необходимых для получения и обработки данных с целью последующего отражения на национальном и региональном уровнях.

Можно констатировать наличие в научном обороте трудов, авторы которых фиксируют отдельные аспекты, связанные с такой предметной областью, как конфессиональный состав населения и выявление уровня религиозности его представителей. Но работ, где данный вопрос ставился бы с акцентом на содержание исходных статистических баз, данные которых позволяют сделать такую оценку репрезентативной на национальном и региональном уровнях, почти не встречается. Существуют примеры, когда такие сведения успешно использованы в научных публикациях, отражающих роль и место религиозных организаций в социально-экономическом развитии государств и регионов. Также следует учесть опыт участия первых в решении актуальных социально значимых задач, требующих оперативного реагирования [2]. Представляется, что аналитический обзор официальных источников исходной информации, содержащей количественные данные о конфессиональном составе населения и степени его религиозной активности, послужит новым результативным исследованиям в разных областях – социологии, экономике, регионалистике, культурологии.

Переписи населения как источник количественных данных о религиозном составе населения

В перечне источников официальных статистических данных, на государственном и региональном уровне отражающих сведения о религиозной принадлежности населения, как один из основных рассматриваются результаты всеобщих и локальных переписей населения. Отечественная практика такой опыт относит к дореволюционному периоду и первым советским десятилетиям.

Первая централизованная перепись населения, состоявшаяся в 1897 г., включала вопрос о религиозной принадлежности. Второй раз за всю историю переписного учета в России эти данные фиксировались только в 1937 г. Существенную помощь современным исследователям, обращающимся к религиозному составу населения страны в ретроспек-

тиве, оказывает справочное приложение, разработанное сотрудниками Института демографии им. А. Г. Вишневского. Оно представляет собой интерактивную базу, где в табличной форме представители разных религий дифференцированы по половой принадлежности, регионам проживания и типу расселения¹.

Поскольку Российская империя была государством, где Церковь подчинялась светскому органу управления – Священному Синоду, содержание вопросов о религиозной принадлежности, зафиксированных в централизованной переписи 1897 г., не предполагало ответа, который позволил бы респонденту остаться вне религии (конфессии) и образуемой ею организации («неверующий», «атеист»). Выявлялась не степень религиозности населения, а формальная принадлежность к конфессии или конфессиональной деноминации (т. е. религиозной институции). Рождение, брак, и смерть легитимировались исключительно путем совершения сопровождающих их религиозных обрядов и фиксировались документацией религиозных организаций. К таковой относятся метрические книги православных приходов, содержащие также данные о регулярности участия приписных членов (прихожан) в таинствах исповеди и причащения (Евхаристии), а также подробности, свидетельствующие о причинах смерти, матримониальном статусе, количестве внебрачных рождений и т. д. Сведения метрических книг могут послужить оценке уровня религиозности населения, но проблема в том, что сохранились они до наших дней лишь фрагментарно, в разрозненном по периодам и регионам состоянии, поэтому послужить решению задачи определения уровня религиозности населения в ретроспективе могут только на локальных кейсах.

По результатам централизованной переписи 1897 г., подданные Российской империи в зависимости от религиозной принадлежности ранжированы на 15 групп. К самой крупной (69,4% от общей численности населения) отнесены лица православного вероисповедания [10].

В переписном листе 1937 г. вопросы о религиозной принадлежности несколько усложнены и адресованы исключительно респондентам, достигшим 16-летнего возраста. Относившиеся к выделенной группе опрашиваемые должны были указать, являются ли они религиозно верующими и в случае положительного ответа указать соответствующую религию (конфессию). Несмотря на атеистическую пропаганду и усиленный идеологический контроль в СССР 1930-х гг., 56% населения декларировали свою принадлежность к той или иной религии, при этом большая часть (42,3%) – к православию [10].

В постсоветский период вопрос о религиозной принадлежности в содержании переписей населения России отсутствует, хотя целесообразность его включения туда дискутировалась в научных кругах. Причем, в качестве обратной аргументации чаще всего апеллируют именно к сложности определения религиозной принадлежности и идентификации уровня религиозности, что вполне объективно.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам // Демоскоп-weekly- URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php (дата обращения: 26.09. 2023).

Тем не менее, опыт зарубежных государств подтверждает такую возможность. Примерами в данном отношении выступают Германия, Швейцария, Канада, Австралия, Новая Зеландия. В процессе централизованной переписи, проводимой в перечисленных выше странах, имеется опыт, когда фиксируется исключительно религиозная принадлежность респондентов с опорой на их самоидентификацию, или дополнительно уточняется конфессия (деноминация). Но позиций, ответы на которые дали бы возможность определить степень активности религиозно обусловленного поведения, в опросных листах официальных переписей населения не содержится.

Наиболее популярным способом определения вероисповедания респондента с целью получения количественных данных при применении опросных методов исследования является самоидентификация, а в случае с практикой фиксированного членства адептов в религиозной организации – консолидированные в документации официальные статистические сведения.

Для придания объективности рассматриваемому показателю стоит учитывать его многокомпонентность. Базисная составляющая определяет отношение респондента к религии в рамках ответа на вопрос с выбором варианта из предложенных: «адепт религии – колеблющийся – вне религии». Для опрашиваемых, которые самоидентифицировались как принадлежащие к любой из первых двух групп, существенным является конкретизирующий признак религиозной (конфессиональной) принадлежности (в зависимости от структуры самой религии).

Критерии оценки уровня религиозности населения

Разработка критериев, являющихся основанием для выявления уровня религиозности населения, представляет собой сложную теоретико-методологическую задачу. Поиск путей ее решения необходим уже потому, что эти критерии являются основанием для количественной оценки религиозно верующих и ранжирования их на группы в зависимости от степени приверженности доктринальным установкам вероучения.

Уровень религиозности индивида отражается в его мировоззренческих представлениях, которые должны находить выражение в следующих составляющих: вера в Бога или сверхъестественные реалии, а также знание и признание истинными основных догматических положений вероучения, которого он придерживается.

Степень приверженности вероучительным установкам находит отражение в повседневной жизни в форме совершения культовых и духовных практик, совокупность которых для контингента с высоким уровнем религиозности, т. е. «воцерковленных» или «практикующих верующих» очень широка. Например, применительно к православной традиции, это регулярное участие в богослужениях, обрядах и таинствах (в первую очередь, причащения); соблюдение индивидуального молитвенного правила; пищевых и иных ограничений, запретов, предписанных церковным уставом (соблюдение многодневных постов и постных дней); чтение вероучи-

тельной литературы и т. д. Дополнительными поведенческими индикаторами степени приверженности конфессии служат участие в паломнических поездках и событийных мероприятиях, организованных структурами РПЦ МП, выбор способов проведения досуга и окружения для близкого общения и т. д. Приведенный перечень уже свидетельствует о сложности определения уровня религиозности населения в региональном и национальном разрезе.

Следует отметить, что некоторые специалисты, например, В. Ф. Чеснокова [16], считают ключевым признаком, отражающим степень религиозности индивида, его религиозную самоидентификацию. Если принять такое мнение за основу, то исследовательская задача, заключающаяся в попытке выявления степени приверженности населения вероучительной доктрине на национальном и региональном уровнях, заметно упрощается. Особенно это касается случаев, когда данные о членстве в религиозной организации фиксируются официально в силу ее правового статуса (Народная Церковь Дании, Евангелическо-лютеранская церковь Финляндии и т. д.). Но объективность результатов снижается из-за того, что при использовании данного подхода практически игнорируется многоаспектность понятия «религиозность».

Данные, которые касаются проявлений религиозного сознания в повседневно-бытовом поведении, невозможно получить централизованно. Они выявляются исключительно методами опроса или интервьюирования, и, составляя тайну личной жизни индивида, не всегда охотно декларируются даже при соблюдении принципа анонимности в процессе сбора эмпирической информации.

Но остается целесообразной опора на абсолютные и относительные количественные данные, отражающие степень религиозной активности адептов, проявляющуюся участием в религиозных обрядах и таинствах. Это возможно лишь в случаях, когда такого рода сведения предоставляются религиозными организациями. Следует отметить, что указанный опыт широко применяется христианскими церквями европейских стран.

Официальная отчетность религиозных организаций как источник данных о конфессиональном составе и уровне религиозности населения

Сбор, статистическая обработка и публикация сведений, отражающих конфессиональный состав и степень активности поведения, обусловленного религиозной ментальностью, методично осуществляется в странах и регионах, где действует или до недавнего времени был закреплён особый государственно-правовой статус отдельных, чаще всего мажоритарных религиозных организаций.

В зарубежной Европе яркими образцами успешной реализации такого опыта являются Римско-католическая Церковь Австрии, несколько религиозных организаций Германии, Государственная христианская Церковь Англии, национальные Евангелическо-лютеранские церкви Дании Швеции, Финляндии, Эстонии, Римско-католическая Церковь Франции и др.

Формат статьи позволяет подробно сосредоточиться только на одном конструктивном примере религиозной организации, отражающей в отчетной документации детализированные сведения о количестве адептов и степени активности их религиозно обусловленного поведения, проявляющегося участием в религиозных обрядах. Таковым послужила Folkekirken (дат.), в переводе на русский язык именуемая Народной Церковью или Евангелическо-лютеранской Церковью Дании (ЕЛЦД). К сбору и опубликованию в открытом доступе данных эту религиозную организацию обязывает конституционно закрепленный государственный статус. Упрощению процесса статистического учета данных служит обязательное задокументированное подтверждение членства в ЕЛЦД, фиксируемое на церковных приходах по месту проживания. Расчеты осуществляются национальным Статистическим управлением на основании данных Государственного реестра подданных Королевства Дания.

Доля адептов Народной Церкви в структуре населения представлена на официальном сайте религиозной организации в динамике последних 33 лет (1990-2023 гг.). Причем, не только на уровне всей страны, но и по отдельным диоцезам – единицам церковно-административного деления регионального уровня. Сведения исключают Фарерские острова и Гренландию, поскольку Евангелическо-лютеранские церкви этих территорий получили автономию в конце 2000-х гг. Данные диоцезов материковой Дании по 10-летним периодам с 1990 г. по январь 2023 г. представлены в табл. 1.

Таблица 1 (Table 1)

Доля членов Народной Церкви в численности населения диоцезов
(1990, 2000 г. 2010, 2020, 2023 гг.), %¹
*Share of members of the People’s Church in the population of dioceses
(1990, 2000, 2010, 2020, 2023), %*

Диоцез	1990	2000	2010	2020	2023
Виборг	95,0	92,4	89,2	83,9	82,0
Копенгаген	80,3	71,8	64,1	56,4	54,4
Лолланн-Фальстер	92,1	88,0	85,3	80,6	78,8
Ольборг	93,5	90,8	88,0	82,7	81,1
Орхус	90,6	86,7	88,7	77,0	75,0
Риббе	94,3	91,6	83,0	83,1	80,9
Роскилле	90,4	87,0	83,7	78,1	75,8
Фюн	91,7	88,1	84,7	79,0	77,3
Хадерслев	93,1	89,7	85,8	79,7	77,1
Хельсингер	83,6	79,3	74,7	67,1	64,2

¹ Источник: Церковь в цифрах // Официальный сайт Народной Церкви. URL: <https://www.folkekirken.dk/om-folkekirken/folkekirken-i-tal/medlemmer> (дата обращения: 26.09.2023).

Обращение к отраженным в табл. 1 сведениям приводит к констатации количественных потерь членов ЕЛЦД за последние 33 года. Таковые в целом составили 17,2% при значениях 89,3 и 72,1% в 1990 и 2023 гг. соответственно. К такой ситуации привели естественные причины – смертность состоявших в Народной Церкви, а также одновременное снижение числа лиц, принимающих крещение ради членства в этой религиозной организации. Тенденции, выраженные в отрицательной динамике числа адептов, характерны для всех христианских Церквей зарубежной Европы и свидетельствуют о снижении уровня религиозности населения в странах региона.

Применительно к Дании фиксируются территориальные диспропорции в показателях, отражающих долю членов ЕЛЦД в структуре населения. Первые позиции сохраняются за северными епархиями материковой части страны – Выборгом и Ольборгом (82 и 81,1% в 2023 г.). В числе лидеров также островной диоцез Рибе (80,9%). Можно предположить обусловленность такой конфессиональной структуры преобладанием коренного населения в удаленных от центра Дании регионах, наименее привлекательных для мигрантов – носителей нетрадиционных для страны религий. Имеет значение высокий уровень реализации социальной ответственности Церкви, разнообразная деятельность, в рамках которой осуществляют руководство и сотрудники названных епархий.

Антилидером по относительному количественному показателю представителей мажоритарной религиозной организации выступает столичный диоцез Народной Церкви. Доля приверженцев ЕЛЦД в Копенгагене за весь рассматриваемый период была наименьшей на фоне остальных епархий, в 1990 г. составляя 80,3%, но к 2023 г. она стремительно снизилась до 54,4%. Одна из основных причин кроется в том, что в административном центре сосредоточено большое число иммигрантов, представителей иных религиозных культур.

В контексте оценки уровня религиозности населения интерес представляют данные о лицах, добровольно присоединившихся к ЕЛЦД, или, наоборот, оставивших членство в ней. В числе первых официальной статистикой в мажоритарной религиозной организации Дании не учитываются дети возрастом до 1 года. По данным 2022 г. личным заявлением оформили добровольный выход из ЕЛЦД 12751 чел., а число присоединившихся к ней составило 11124 чел., что не возмещает численные потери. Хотя абсолютное число вышедших из Церкви незначительно сократилось (против 12097 в 2021 г.), а присоединившихся более заметно увеличилось, т. к. в 2021 г. таковых было 8961, свидетельствовать о повышении уровня религиозности населения не приходится.

Официальный интернет-портал Народной Церкви представляет данные, отражающие колебание количества адептов мажоритарной религиозной организации в графическом выражении за период с 2007 по 2022 гг. Отдельно за последние 10 лет покинувшие ЕЛЦД или вошедшие в состав ее членов ранжированы по возрастным группам. В первом случае пик приходится на лиц в возрасте 25-34 года. Отрицательная динамика волно-

образна и максимальные количественные значения фиксируются в 2009, 2012, 2016 гг.¹. Это может быть связано с коренными преобразованиями либерального характера, которые идут вразрез с вероучительной доктриной христианства (венчание однополых браков и т. д.). Фиксируется и подъем числа присоединившихся к ЕЛЦД в 2020–2021 гг. – период, который совпадает с пандемией COVID-19, в устранении и смягчении социально-экономических последствий которой церковные структуры принимали активное участие, оказывая материальную, психологическую и иную помощь нуждающимся лицам [3].

В целом же на основании анализа исходных данных можно констатировать, что Народная Церковь теряет своих приверженцев, хотя численность и доля таковых в конфессиональной структуре Датского Королевства остаются подавляющими.

Количественные сведения о формальной принадлежности населения к религиозной организации важны, но таковые не могут в полной мере свидетельствовать об уровне религиозности его представителей. Более объективным выводам служат сведения, отражающие участие адептов вероучения в культово-культурной жизни.

Прежде всего, это касается церковных священнодействий, совершение которых дублирует регистрацию актов гражданского состояния и легитимирует факты рождения, брака и смерти. Члены ЕЛЦД обладают правом альтернативного выбора осуществить их регистрацию посредством таинства крещения, а также церковных обрядов, сопровождающих вступление в брак или погребение соответственно.

Практика ведения статистического учета числа крещений новорожденных ведется в Народной Церкви с середины 1970-х гг. Законом требуется присвоение имени новорожденному в первый год жизни, поэтому сведения декларируются с запозданием на календарный год. Согласно приведенным данным, в 2022 г. крещение было совершено над 56,2%, т. е. чуть более половины от общего числа детей, родившихся в Дании в указанном году. В абсолютном выражении это 40849 человек в возрасте до 1 года. Церковная статистика ранжируется по епархиям и в относительных показателях отражена с 1990 по 2021 г. Данные о доле крещеных среди родившихся в конкретный год коррелируют с количественными показателями о доле адептов ЕЛЦД в структуре населения регионов. Наименьшие значения по имеющимся актуальным сведениям, представленным в региональном разрезе, фиксируются в диоцезе Копенгагена (31,9%), а максимальные – Виборгом (69,9%), Ольборгом (67,1%), и Рибе (65,4%). В целом же наблюдается сокращение числа крещеных в ЕЛЦД младенцев и по стране, и в пределах отдельных регионов, что подтверждает секулярные тенденции и снижение уровня религиозности населения.

Если крещение детей в ЕЛЦД можно рассматривать как родительскую дань соблюдению традиций и приверженности национальным культурным образцам поведения, распространенным в социуме, то уча-

¹ Регистрация вступления в члены Церкви и выхода из ее состава // Официальный сайт Народной Церкви. URL: <https://www.folkekirken.dk/om-folkekirken/folkekirken-i-tal/medlemmer/ind-og-udmeldelser> (дата обращения: 26.09.2023).

стие в конфирмации подростков в значительной мере предполагает волеизъявление последних. Обрядовая практика лютеранства конфирмацию (миропомазание) позиционирует как ритуализированное действие, сопровождающее осознанное исповедание вероучения членом Церкви. В нем могут участвовать лица, достигшие возраста не менее 14-15 лет. По данным 2022 г. 45671 учащихся 7-8 классов школ Дании (66,5% от их общего числа) подтвердили свое членство в Народной Церкви через конфирмацию¹. На фоне общих секулярных тенденций можно считать этот показатель высоким и косвенно свидетельствующим о том, что приверженность религиозным традициям остается значимой для большей части населения Дании. Интересно, что по сравнению с двумя предыдущими годами фиксируется рост его значения на 0,5%, в то время как по всем приведенным в статистическом ряду сведениям, начиная с 2007 г. наблюдается обратная динамика. В региональном разрезе, опять же, лидерство сохраняют диоцезы Виборг, Ольборг и Риббе, а меньше всего подростковых конфирмаций состоялось в епископии Копенгагена.

Данные, свидетельствующие о количестве зарегистрированных в ЕЛЦД браков, приводятся на официальном интернет-портале рассматриваемой религиозной организации в абсолютных величинах начиная с 2006 г. Тогда их значилось 15212 (41,2% от общего числа). Для сравнения, в 2022 г. Народная Церковь легитимировала 10310 брачных союзов (31,1%), что, как и сокращение числа крещений, подтверждает снижение уровня религиозности населения.

Суммарное количество венчаний распределено по диоцезам ЕЛЦД и в данном случае уже не фиксируется зависимость от доли адептов в структуре населения диоцеза. Лидерами становятся Роскильде, Орхус, Хельсингер, где в 2022 было легитимировано через венчание 1545, 1536, 1449 браков соответственно, а меньше всего венчанных брачных союзов в Лолланн-Фальстере (233). Абсолютные показатели в этом случае связаны с численностью и половозрастной структурой населения региона. Большая репрезентативность была бы представлена данными о доле церковных браков в общей численности всех зарегистрированных супружеских союзов по епархиям, но таковые отсутствуют². Следует отметить, что у членов ЕЛЦД существует и возможность обвенчаться при выборе гражданской церемонии заключения брака с целью придания ему юридического статуса. В 2022 г. супружеских пар, получивших церковное благословение, но при этом зарегистрировавших брак в государственных органах, было 2024. Это значительно больше, чем по данным предыдущих 2020 и 2021 гг., что объясняется ограничениями, наложенными пандемией COVID-19 на публичное проведение церковных обрядов.

Можно констатировать, что число ритуализированных церемоний, сопровождающих рождение и брак, сокращается, но остается существенным, хоть и не всегда преобладающим.

¹ Конфирмации // Официальный сайт Народной Церкви. URL: <https://www.folkekirken.dk/om-folkekirken/folkekirken-i-tal/konfirmation> (дата обращения: 27.09.2023).

² Брак // Официальный сайт Народной Церкви. URL: <https://www.folkekirken.dk/om-folkekirken/folkekirken-i-tal/vielse> (дата обращения: 27.09.2023).

Погребальные церковные обряды в 2022 г. были совершены над телами 80,7% умерших (в 2020 – над 81%). Столь высокие значения объясняются тем, что преимущественно обозначенные ритуализированные действия предназначены для лиц пожилого возраста, для которых в большей степени характерна приверженность религиозной культуре, а также с возросшей смертностью, обусловленной половозрастной структурой населения Дании. Прямо свидетельствовать о высоком уровне религиозности населения такие данные не могут.

Пример ЕЛЦЦ, как религиозной организации, членство в которой фиксировано, а учет статистических данных осуществляется на официальном уровне, служит возможности определения конфессиональной структуры населения и выявлению уровня религиозности его представителей с опорой на сведения, отражающие степень причастности адептов к культурно-культурной обрядности. Но такой опыт применим лишь в случаях, касающихся соответствующей модели государственно-религиозных взаимоотношений. В современных российских условиях на данном этапе он неосуществим.

Выводы

На современном этапе решение проблемы определения конфессиональной структуры населения стран и регионов, а также уровня религиозности его представителей упирается в несовершенство сбора и обработки исходных данных. Количественные сведения о религиозной принадлежности на национальном и региональном уровнях можно получить по результатам переписи населения путем включения соответствующих вопросов, но, будучи основанными на религиозной самоидентификации, ответы в совокупности не будут отражать объективную картину.

Имевшийся дважды в истории России опыт это подтверждает. Модель государственно-религиозных отношений периода, когда проводилась первая всеобщая перепись населения, в принципе предполагала обязательную принадлежность подданных Российской империи к одной из религиозных организаций. Однако спустя несколько десятилетий массового сопротивления ликвидация приходских общин не встретила. Соответственно, религиозность была большей частью формальной.

Информативными можно назвать и результаты переписи 1937 г.: высокая доля православных в структуре населения на фоне массово закрытых для проведения богослужений храмов, а значит, невозможности регулярно участвовать в обрядах и таинствах, свидетельствует о том, что, декларируя свое вероисповедание, респонденты не осознавали обязательств, которые оно накладывает на адепта.

В современных российских условиях включение вопроса о религиозной принадлежности в анкету для переписи населения может обернуться еще большими сложностями. Опираясь на самоидентификацию респон-

дента в условиях низкого уровня религиозного просвещения и культуры, а также распространения негативных стереотипов, сложившихся о Церкви и духовенстве в обществе, приведут к получению искаженных данных.

А результаты подробного опроса с детально разработанными критериями уровня религиозности, наоборот, послужат его определению, но не смогут обеспечить охват существенной доли населения. Еще одна сложность видится в том, что такого рода вопросы носят слишком личный характер и воспринимаются многими как нарушение границ частной жизни.

Статистическая база, содержащая официальные данные учета членов религиозной организации и количественные сведения о доле адептов, участвующих в культовых обрядах, сопровождающих демографические события, в большей мере служит оценке уровня религиозности населения и выявлению конфессионального состава страны или региона. Подтверждением служит подробно рассмотренный в данной статье более подробно кейс датской Народной Церкви. Но данная модель применима только к сравнительно редким в современных реалиях случаям, когда религиозная организация располагает соответствующими административными ресурсами, как правило, обусловленными ее государственно-правовым статусом. Следует учитывать, что такие конструктивные примеры ведения статистического учета данных, позволяющих делать выводы о степени религиозно обусловленного поведения населения, в отдельных странах преимущественно касаются мажоритарных Церквей, а малочисленные и нетрадиционные религиозные организации ресурсами и возможностями для этого не обладают.

К тому же, сведения о количестве крещений, конфирмаций, церковных браков и погребений, свидетельствуя о степени религиозно обусловленного поведения на момент времени и в динамике, основой для абсолютно фундированных выводов выступать не могут. Большей репрезентативностью характеризуются относительные показатели, отражающие долю населения, участвующую в этих церковных обрядах. Подтверждением служит то обстоятельство, что данные коррелируют с долей адептов религии в региональном разрезе.

Правовая регламентация государственно-религиозных отношений в России делает ведение строгого учета числа крещений, венчаний, отпеваний, а также количества лиц, регулярно или по наиболее значимым религиозным праздникам участвующих в богослужениях, невозможным. По отношению к первому это могло бы измениться лишь в случае, если религиозные организации получили бы право регистрации актов гражданского состояния и выдачи подтверждающих их документов государственного образца. Однако таких перспектив и тенденций в обозримой перспективе не наблюдается.

Официальная отчетность религиозных структур – важное информационное звено в процессе сбора сведений об уровне религиозности населения. Заимствование конструктивного опыта государственных религиозных организаций зарубежной Европы в условиях современной России невозможно, но сама модель заслуживает внимания как конструктивная.

Библиографический список

1. Бабич Н. С., Хоменко В. И. Шкала «предрасположенность к религиозности»: эмпирическая апробация и повышение уровня формализации модели // Социологические исследования. 2018. № 1(405). С. 94–104. DOI: 10.7868/S0132162518010105; EDN: YMAEVK.
2. Балабейкина О. А., Гаврилова К. С. и др. Роль церкви Дании в борьбе с пандемией COVID-19 и значение этого опыта для Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2023. № 3(171). С. 73–85. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-3-73-85; EDN: JFULOL.
3. Балабейкина О. А., Кузнецов Л. М., Янковская А. А. Филиппины. Экономическая и социальная деятельность религиозного института на примере епархии Бутуан // Азия и Африка сегодня. 2023. № 1. С. 74–80. DOI: 10.31857/S032150750020434-9; EDN: ZAXHUK.
4. Борисенко И. В. Специфика организации религиозных и паломнических поездок // Сервис plus. 2019. № 3. С. 3–9. DOI: 10.24411/2413-693X-2019-1030; EDN: NWIHUP.
5. Горохов С. А., Агафшин М. М. Подходы к оценке религиозной принадлежности населения в географических исследованиях // Географическая среда и живые системы. 2020. № 2. С. 52–64. DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-52-64; EDN: BNONHG.
6. Гравчикова А. А. Влияние религиозного разнообразия населения на социально-экономические показатели регионов Российской Федерации // Регионоведение. 2022. № 1. С. 55–75. DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.055-075; EDN: MFSIQK.
7. Григоренко Т. Н. Проблемы и перспективы развития религиозного туризма в Ростовской области // Сервис в России и за рубежом. 2021. № 3(95). С. 156–164. DOI: 10.24412/1995-042X-2021-3-156-164; EDN: WTWIWY.
8. Дзуцев Х. В., Дибирова А. П. Уровень религиозности населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: этносоциологический анализ. М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. 231 с.
9. Ермолаев В. А. Протестантизм – регулирование потребления // Russian Studies in Culture and Society. 2022. Т. 6. № 3. С. 68–87. DOI: 10.12731/2576-9782-2022-3-68-87; EDN: RFVIKK.
10. Казьмина О. Е. Вопрос о религиозной принадлежности в переписях населения России и СССР // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 156–161.
11. Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Христианские церкви и антиидеистская революция // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 8. С. 97–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-97-108; EDN: SVFDRH.

12. Максимцев И. А., Межевич Н. М., Разумовский В. М. Зарубежное регионоведение: вопросы теории и информационного обеспечения // Известия СПбГЭУ. 2019. № 5-1(119). С. 7–14. EDN: EGUHJA.
13. Пруцкова Е. В., Маркин К. В., Врублевская П. В. Q-методология в изучении «слабой религиозности» // Научный результат. Социология и управление. 2020. № 3. С. 184–202. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-3-0-11; EDN: QBYCFI.
14. Синелина Ю. Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10(354). С. 104–115. EDN: RDRNXB.
15. Сигарева Е. П. Рождаемость и религиозность в России: оценка взаимосвязи // Logos et Praxis. 2019. № 1. С. 104–115. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.1.10; EDN: VMPRMR.
16. Чеснокова В. Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. М.: ФОМ, 2003. С. 112–145.
17. Batalla E. V., Baring R. Church-State Separation and Challenging Issues Concerning Religion // Religions. 2019. No. 10(3). P. 197. DOI: 10.3390/rel10030197.
18. Nynäs P. Putting a Q into the Study of Religions: Observations from a Global Study with the Faith Q-Sort // Nordic journal of comparative religion. 2022. Vol. 58. No. 1. P. 7–40. DOI: 10.33356/temenos.116001.

Получено редакцией: 03.11.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Балабейкина Ольга Александровна, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.3

The Problem of Assessing the Religious Composition and Level of Religiosity of the Population of Countries and Regions

Olga A. Balabeikina

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

olga8011@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9520-8880

For citation: Balabeikina O. A. The problem of assessing the religious composition and level of religiosity of the population of countries and regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 28–45. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.3; EDN: UVGNHC.

Abstract. The article identifies the main problems of the theory and practice of collecting empirical data, on the basis of which one can build objective judgments about the level of religiosity of the population and its religious composition. The advantages and disadvantages of a sociological survey, population census data, and official data provided by religious organisations as sources of this type of information are considered.

The Evangelical Lutheran Church of Denmark (ELCD) is chosen as an example. It is considered by the author as a constructive example of a majoritarian religious organisation, reflecting over the dynamics of several decades quantitative data on the number of adherents and the degree of activity of their religiously determined behaviour. In the regional aspect quantitative data on the absolute and relative number of participants in religious ceremonies, on the registration of births, marriages and deaths, etc. are reflected. Information on the number of baptisms, confirmations, weddings, funeral services is provided at the level of individual dioceses of church-administrative units at the regional level. Based on the obtained results, territorial differences in the level of religiosity of Danish residents are recorded. The minimum indicators characterise the capital region with a high share of migrants – representatives of non-traditional cultures in the population structure. At the same time, the high degree of religious activity of ELCD adherents distinguishes the territories of mainland Denmark remote from the administrative center (Viborg, Aalborg, Ribe).

The results of the analysis of initial data concerning the total number and share of baptisms, confirmations, church marriages and funeral rites performed in the ELCD in recent years confirm the general secular trends characteristic of the population of Western and Northern European, primarily traditionally Protestant countries. Official statistical databases of religious organisations, recording both membership in them and participation in religious sacraments and rituals, are positioned as the most representative source of initial information for solving the problem of identifying the religious structure of the population and determining the level of its religiosity. The considered example of collecting and processing information is effective, but at the national and regional levels it is implemented only in cases where the model of religious-state relations provides the appropriate tools.

Keywords: level of religiosity, population, confessional structure, region

References

1. Babich N. S., Homenko V. I. Scale “predisposition to religiosity”: empirical validation and developing a more formalized measurement model. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 1(405): 94–104 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518010105; EDN: YMAEVK.
2. Balabeikina O. A., Gavrilova K. S. et al. The role of the Danish Church in the fight against the COVID-19 pandemic and the significance of this experience for the Russian Federation. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2023: 3: 73–85 (in Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2023-3-73-85; EDN: JFULOL.
3. Balabejkina O. A., Kuznecov L. M., Yankovskaya A. A. Philippines. Economic and social activities of a religious institute: the example of the diocese of Butuan. *Aziya i Afrika segodnya*, 2023: 1: 74–80 (in Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020434-9; EDN: ZAXHUK.
4. Borisenko I. V. Specificity of organising religious and pilgrim trips. *Servis plus*, 2019: 3: 3–9 (in Russ.). DOI: 10.24411/2413-693X-2019-1030; EDN: NWIHUP.
5. Gorohov S. A., Agafoshin M. M. Approaches to assessment the religious affiliation of the population in geographical studies. *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy*, 2020: 2: 52–64 (in Russ.). DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-52-64; EDN: BNONHG.
6. Grigorenko T. N. Religious tourism in Rostov region: the problems and development prospects. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2021: 3: 156–164 (in Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.055-075; EDN: WTWIWY.
7. Gravchikova A. A. Influence of the Population Religious Diversity on the Socio-Economic Indicators of the Russian Federation Regions. *Regionologiya*, 2022: 1: 55–75 (in Russ.). DOI: 10.24412/1995-042X-2021-3-156-164; EDN: MFSIQK.
8. Dzucev H. V., Dibirova A. P. The level of religiosity of the population of the Republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation: ethnosociological analysis. Moscow, ISPI RAN; Vladikavkaz: IPC SOGU, 2019: 231 (in Russ.).
9. Ermolaev V. A. Protestantism – regulation of consumption. *Russian Studies in Culture and Society*, 2022: 3: 68–87 (in Russ.). DOI: 10.12731/2576-9782-2022-3-68-87; EDN: RFVIKK.
10. Kaz'mina O. E. Vopros o religioznoj prinaldlezhnosti v perepisyah naseleniya Rossii i SSSR [The question of religious affiliation in the population censuses of Russia and the USSR]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1997: 5: 156–161 (in Russ.).
11. Lunkin R. N., Filatov S. B. Christian churches and the antiidentist revolution. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2021: 8: 97–108 (in Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-97-108; EDN: SVFDRH.
12. Maksimtsev I. A. Mezhevich N. M., Razumovsky V. M. Foreign Regional Studies: Questions of Theory and Communication Strategy. *Izvestiya SPbGEU*, 2019: 5: 7–14 (in Russ.). EDN: EGUHJA.

13. Pruckova E. V., Markin K. V., Vrublevskaya P. V. Q-methodology in the study of “weak” religiosity”. *Nauchnyj rezul’tat. Sociologiya i upravlenie*, 2020: 3: 184–202 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-3-0-11; EDN: QBYCFI.
14. Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu. Fertility and religiosity in Russia: assessing interaction. *Logos et Praxis*, 2019: 1: 104–115 (in Russ.). EDN: VMPRMR.
15. Sinelina Yu. Yu. O dinamike religioznosti rossiyan i nekotoryh metodologicheskikh problemah ego izucheniya (religioznoe soznanie i povedenie pravoslavnyh i musul’man) [Dynamics of russians’ religiousness and issues of its research methodology. Religious thinking and behavior of russian orthodox’ and muslims]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013: 10(354): 104–115 (in Russ.).
16. Chesnokova V. F. Vocerkovlennost’: fenomen i sposoby ego izucheniya [Churching: the phenomenon and methods of its study]. In *Desyat’ let sociologicheskikh nablyudenij* [Ten years of sociological observations]. Moscow, FOM, 2003: 112–145 (in Russ.).
17. Batalla E. V., Baring R. Church-State Separation and Challenging Issues Concerning Religion. *Religions*, 2019:10:197. DOI: 10.3390/rel10030197.
18. Nynäs P. Putting a Q into the Study of Religions: Observations from a Global Study with the Faith Q-Sort. *Nordic journal of comparative religion*, 2022: 1: 7–40. DOI: 10.33356/temenos.116001.

The article was submitted on: November 3, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Balabeikina, Candidate of Geographic Sciences, Associate professor of Regional Economy and Environmental Management Department